

валось заводить дружескихъ или пріятельскихъ отношеній. На мой вопросъ къ монголамъ: „почему тангуты сторонятся насъ?“—я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „оронгыны любятъ появляться въ видѣ непрошенныхъ гостей, а такихъ вы сами не жалуете.“

Наканунѣ нашего выступленія въ дальнѣйшій путь—одиннадцатаго августа, облака порѣдѣли и поднялись выше; съ просвѣтленіемъ воздуха почувствовалось общее оживленіе: все задвигалось, все засуеилось. На нашъ бивуакъ не замедлили прилетѣть изъ-лѣсу наши постоянные посѣтители: коршуны, вѣроны, черныя вороны, сороки, сойки, полевые воробьи, земляные вѣюрки и каменные или горные голуби. Къ вечеру погода еще болѣе улучшилась; послѣдніе солнечные лучи, на подобіе электрическаго прожектора, пробились въ отверстіе облаковъ и контрастно освѣтили маленькій уголокъ сосѣдней бивуаку горы. Даже монголы и тѣ не могли не отмѣтить этого своеобразнаго освѣщенія.

На утро, распрощавшись съ цайдамскими проводниками, мы не безъ труда подняли нашъ караванъ и двинулись къ озеру Цаганъ-нору. Послѣднее, на счетъ все тѣхъ же дождей, значительно увеличило свои прежніе размѣры и почти утратило солоноватый вкусъ. По словамъ нашего новаго проводника-старика, хорошо знавшаго вообще кукунорскую область, озеро Цаганъ-норъ образовалось недавно, въ теченіе какихъ-нибудь тридцати—тридцати-пяти послѣднихъ лѣтъ. Самъ онъ въ молодые годы свободно развѣзжалъ по всей цаган-норской долинѣ, имѣвшей тогда лишь періодическія лужицы. Съ теченіемъ времени лужицы увеличивались, а вслѣдъ за однимъ необычайно-дождливымъ лѣтомъ появилось и настоящее озеро.

Наиболѣе отраднымъ уголкомъ послѣдняго, можно считать сѣверный берегъ, гдѣ у подножья красно-гранитныхъ скалъ выбѣгаетъ студѣный, прозрачный ключъ, орошающій при-озерный лугъ. На этомъ ключѣ мы дважды располагались бивуакомъ—въ передній и въ обратный путь. Въ обоихъ случаяхъ кочевниковъ мы здѣсь не видѣли, хотя, судя по слѣдамъ, они проживали на озерѣ не задолго до нашего послѣдняго прихода. На тихой поверхности Цаганъ-нора держалось значительное количество горныхъ гусей и утокъ; послѣднихъ нѣсколько породъ; затѣмъ часто раздавались голоса турпановъ, ютившихся обособленными семьями; вдоль береговъ проносились зуйки, кулики-улиты и песочники; по выступамъ скалъ сидѣли орланы, вблизи которыхъ монотонно ворковали каменные голуби; среди бивуака, на камняхъ, довѣрчиво усаживались чекканы, краснохвостки, удода; высоко, у